
Н. Л. ПУШКАРЕВА

ЦЕННОСТЬ ДОБРАЧНОГО ЦЕЛОМУДРИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассмотрены позорящие наказания как явление традиционной культуры, подтверждавшее и закреплявшее гендерную асимметрию: наказания девушек за несохранение целомудренности до брака, бытовавшие в XIX веке. На обширном архивном и опубликованном этнографическом материале из разных регионов Российской империи автор прослеживает динамику отмирания этого типа наказаний и доказывает, что он никогда не был гендерно-нейтральным, всегда ставил задачей подавление самостоятельности женской личности, причинение девушке нравственного страдания и устрашение других во имя сохранения гендерных иерархий.

Ключевые слова: этнография русской семьи, гендерная этнология, история русских женщин, история права, обычное право, позорящие (устыдительные) наказания.

Как и большинство других аспектов частной жизни, сексуальность всегда была охвачена экспансией властных систем. Неудивительно поэтому, что *неверность* и *честь* – понятия, обретшие гендерную окраску вместе с возникновением гендерной асимметрии, исторически первой формы социальной депривации. Понятие *девичья честь* оказалось рано нагруженным гендерным смыслом (практически вскоре вслед за утверждением христианства) и по сей день воспринимается именно как соблюдение целомудрия. О позорящих наказаниях для девушек в русских источниках впервые можно найти упоминания не ранее конца XV – XVI веков. По всей видимости, вначале они касались лишь представительниц зажиточных слоев в центральной части России (Пушкарева 1997), но постепенно распространились более широко (Щепанская 2001). Повсеместно ли? В чем географическое своеобразие практик позорящего, гендерно окрашенного насилия в отношении проступков, связанных с женским телом? И как долго они существовали, какие трансформации

испытали? Как связаны с современной историей гендерной асимметрии?

Как и в стародавние времена, в XIX веке небезупречное поведение девушки считалось прегрешением меньшим, нежели измена замужней женщины. Ответственность за лишение девственности возлагалась на нее саму: «уступчивость» считалась простительной, если речь шла о связи с мужчиной более высокого статуса (к ним относились даже волостные писари, не говоря уже о купцах), более богатого, и была особо предосудительной, если девушка уступала бедному, «польщалась на мужика». Богатство, высокий социальный статус считались объяснимыми мотивами, заставлявшими девушку «грешить». «Имущественный достаток невесты при выходе в замужество часто покрывает отсутствие в ней целомудрия», – отмечали информаторы Этнографического бюро кн. Тенишева в Петербурге (РКЖБН 2006б: 198; ср.: 2006в: 165; 2005: 430). Ситуация же, когда девушка «спутывалась по любви», была совершенно неизвинительной и приписывалась особой развращенности согрешившей.

В центральных губерниях для венчания девушки, не сумевшей сохранить девственность, в XIX веке стало принято читать особую очистительную молитву, после которой виновной вручалась *очистительная память* от поповских старост – они ведали делами о внебрачных рождениях (Снегирев 1833: 33). Иногда – это был путь к покаянию – священник назначал епитимью. Согрешившая тогда трижды должна была на коленях обползти церковь. Есть данные, что уже в начале XX века у русского населения, скажем, на Украине, этот способ поношения и опозоривания молодой почти исчез и «вместо него часто священник» обязывал «молодую поработать у него несколько дней» (Чижикова 1978: 176; Кистяковский 1872: 20).

Зачинщиком устыдительной кары часто бывал брошенный девушкой парень, обиженный невниманием сосед; он и ставил на обсуждение сельского схода «дело об обиде». В сообщениях о штрафах, налагавшихся сходом на родителей (штраф могли взять и алкоголем), ничего не говорилось о способах проверки «честности» девушек, если это не был вопрос о свадебном ритуале (Самосуд 1875). Очень часто вначале пускали слух о нечестности, затем обсуждали на сходе – само привлечение внимания к физическому состоянию девушки уже было «срамом».

На свадебном пиру важнейшим актом была либо демонстрация «честности» невесты, либо признание ею вины: «Расправы и никаких позорящих обрядов не бывает, если она прежде увода в *комору* сознается, что потеряла девство. Новобрачная, сознаваясь в своей вине, просит, кланяясь в ноги, прощения у отца, матери, свекра и свекрухи... В противном случае совершение позорных обрядов идет своим чередом. Они рассчитаны на то, чтобы опозорить мать, отца и даже всю родню невесты...» (Кистяковский 2004: 529; РКЖБН 2007а: 409; 2006б: 359; 2005: 313).

В Литве и в Малороссии был обычай наказывать девиц, нарушивших целомудрие, сажанием при дверях церкви на железную цепь (*куницу*, «в кандалы») (Терещенко 1848: 111). Народный свадебный ритуал включал там демонстрацию рубашки невесты, изредка – даже ее появление перед гостями в рубашке с кровавыми пятнами, и в ней она должна была вымести пол с остатками разбитых в ее честь склянок, чаще же брачную рубашку выносили и, показав, вместе с четвертью вина и благопожеланиями отдавали родителям девушки (РКЖБН 2006в: 429).

Целомудренность или нецеломудренность следовало обнаружить рано в понедельник или же ночью с воскресенья на понедельник (ТЭСЭ 1855: 459–460) во время свадебного пира. Ритуал совершали перед разрезанием жаркого, «а без того не разрезывали» его (Сухоруков 1824: 303). Основным знаком, свидетельствующим, что жених нашел невесту целомудренной (если не выносилась рубашка), было битье посуды, стаканов, бокалов – символ благополучного нарушения целостности главного девичьего «сокровища» (РКЖБН 2006б: 267). Свадьба без битья посуды в Нижегородчине считалась «невеселой» (означала начало опозорения).

Обратный обычай описал информатор из Калужской губернии. Там молодому положено было бить посуду, «ломать и грызть» ложки в знак разочарования «несохранностью» невесты (РКЖБН 2005: 210). Нецеломудрие невесты – «*Хорош соболек, да измят!*» – мог осуждать только новобрачный и его род, причем особое право срамить имели женщины мужниного рода – мать и сестры мужа, невестки. Избиение молодым своей жены нагайкой за несохранение девственности описано в литературе XIX века, но нет данных о широкой распространенности; скорее типичным было сокрытие молодоженом провинности его избранницы (Киркор 1854: 149).

В Черкасском уезде Киевской губернии нецеломудренную невесту должна была наказать мать жениха, а он сам останавливал ее в какой-то момент напоминанием о том, что он «теперь хозяин молодой»: лишившаяся девственности до свадьбы не могла идти к столу, а должна была подползти на коленях под стол, «из-под которого должна показывать свое лицо... Мать [жениха] всякий раз, когда... [она] выдвигает голову, бьет ее по лицу, это продолжается до тех пор, пока муж не запретит» (Кистяковский 2004: 554). Лишь после этого молодой позволяли выбраться из-под стола, сесть около мужа.

Опозорение отца девушки, не сохранившей девственность, встречалось редко, но все же отдельные случаи бывали. Например, решением одного волостного суда в Каменецком уезде было определено подвергнуть отца за провинность дочки, прижившей внебрачное дитя, наказанию розгами; аналогичные случаи описаны в Кинешемском уезде (ТЭСЭ 1855). На Дону общим способом поношения родителей, не сберегших девственности дочери, было исполнение срамных песен, надевание на шею венка из соломы или баранок, одаривание матери или, если невеста была сиротой, воспитательницы селедкой или таранькой (вместо курицы, которую клали на колени матери или воспитательнице в благодарность за то, что уберегли дочь или воспитанницу от соблазнов). В Калужской губернии срамили прежде всего мать новобрачной, а не ее саму, именно мать могли впрячь в борону и провезти борону за собой по деревне (РКЖБН 2005: 313). Наконец, возможным было и осрамление свахи (вместо родителей или вместе с родителями не сохранившей чести девушки). В Свияжске (Поволжье) существовал ритуал «паренья свахи»: ее, сосватавшую нечестную невесту, клали на улице на лавку, задирали подол и били веником, посыпая на тело снег (Зорин 2001: 92). Важно подчеркнуть: за «нечестность» одной женщины должна была держать ответ опять же женщина (мать, воспитательница, сваха). В Витебской губернии хомуты позора надевали и дружкам, и родителям, и сватам («и водили по деревне, причем шлея хомута тащится по земле») (РКЖБН 2006б: 359; Смирнов 1878: 602).

В иных местах на воротах или на крыше дома согрешившей невесты вывешивали хомут, в других – мазницу, в третьих – рогожу, обмазывали нечистотами стены дома; пробивали в печи дыру, пач-

кали стены грязью, били окна в доме родителей невесты. Иногда опозорение выражалось в том, что кто-нибудь из свадебных «бояр» лез на крышу хаты невесты с ведром воды и оттуда брызгал ею – символический знак невоздержанности новобрачной, ее готовности отдаваться любому, чтоб каждому попало (как брызги воды). Иногда втаскивали на крышу дома разьеженное колесо или, если дело обнаруживалось зимой, старые сани (Никишенков 2003: 427; Кистяковский 2004: 529, 552). Все действия сопровождалось словесным поношением, среди обычных позорящих слов были *блядь, потаскуха, сволочь* (от *волочить, сволакивать*. – Н. П.), *подкладня, паскуда нестоящая* (РКЖБН 2005: 555).

Самым распространенным наказанием было надевание на шею лошадиного хомута «без гужов» (веревки, иных частей упряжи) – символа «озверения», близости миру животных (Там же; Рыблова 2007: 397–414) и одновременно антипода цветочному венку, символу девственности. Надевание хомута было и измененной, «гуманной» формой припрягания к лошади (это делалось с замужними) как акта усмирения. С другой стороны, как вид кольца или обруча хомут символизировал и вульву. Его могли повесить на гвоздь, наскоро вколоченный над притолокой, а чаще – надевали на шею не только провинившейся невесте, но и ее родителям. На такой случай наскоро делали даже несколько соломенных «хомутов, намазанных смолой и разными гадостями» (Смирнов 2004: 602; Кистяковский 2004: 554; Аргудяева 1997: 104). В Малороссии хомут делался из соломы, косу распускали, лицо девушки могли прикрыть платком и в таком виде водить по улицам. Иногда в знак позора девушке оголяли ноги, «подвязав ей платье к поясу соломенными веревками» (Смирнов 2004: 247; Журавченко 1872: 461). Обычай позорить хомутом, надеваемым на шею, быстро получил распространение у других народов, населявших Россию (Федянович 1997: 40–41).

Другими типичными позорящими действиями были: измарать рубаху девушки сажой (со словами: «Запачкала ты себя с таким-то каким-то беззаконием!») или дегтем, который из-за черного цвета также был в крестьянском быту символом бесчестия и зла (Громыко 1991: 100; РКЖБН 2006б: 359; Бернштам 1988: 243), в испачканной рубахе провести по улицам без юбки (Тенишев 1907: 26). Есть свидетельства информаторов о том, что мазали ставни и стены

дома дегтем со словами: «Если любишь, то люби одного», тем самым указывая, что жизнь следовало строить с виновником бесчестия. Важной стоит признать оговорку, что «насмешные наказания» по отношению к девушке применялись, когда «было на то согласие ее родителей и родных»: некоторые родители не позволяли так срамить свою дочь и откупались, а иные, напротив, приходили на сходку и просили о том (Рыблова 2007: 5; Никишенков 2003: 174; Филиппов 1859: 218).

Самым старым (известным с XV века) способом осрамления невесты во время свадебного пира было «подать родителям “худой”» (т. е. плохой, дырявый) кубок с вином, прорванный в середине блин, а к дуге телеги привязать худое ведро» (Липинская, Сафьянова 1978: 197). Случалось, на головы сватам и отцу такой невесты надевали дырявый горшок (Миненко 2007: 121). Сама лексема «худой» в русском языке означает одновременно и «плохой», и «дырявый».

В Олонецкой губернии ритуалы, связанные с *почетностью* девушки, были отнесены на следующее утро, когда молодой с дружкой и сватом должны были получить от тещи яичницу. Если невеста была целомудренна – желток яичницы вырезали, и дружка в образовавшееся отверстие лил масло, а чашку, из которой он его вылил, разбивал. Если нет – яичницу резали на куски (Смирнов 2004: 602). В Полесье нецеломудренной невесте и ее родным давали несладкую, а иногда и просто соленую кашу (Кабакова 2001: 180–181) – все должно было выражать несладость жизни с нарушительницей, ее нецельность, рваность, ущербность.

В Архангельской губернии срамить девушку, незаконно прижившую ребенка, к концу XIX века стало не принято, но таковую могли отлучить от родительского дома, от дружбы других женщин. Если худая молва о лишившейся девственности подтверждалась, то девушка по общему приговору должна была убирать отныне волосы в две косы без девичьей повязки, покрывать их *волосником* (отсюда термин *самокрутка*). Обряд «покрытки» у южных русских и малороссов был не столько позорящим, сколько сглаживающим прегрешение девушки: надевание иного убора показывало переход девушки в другую возрастную группу (Даль 1866: 121; Нос 1994: 524–525), и девичью косу ей уже нельзя было заплетать (отсюда полесское выражение «росчесав їй косу до вінца») (Кабакова 2001: 153).

Чем дальше от центра и Южной Руси, тем терпимее было отношение к лишению девственности. Если в Калужской губернии информатор сообщал, что «случаев, когда бы девушка, имея незаконнорожденного ребенка, вышла замуж, не было», то в Тверской губернии «никакого публичного посрамления оказавшейся нецеломудренной» не устраивалось (РКЖБН 2004: 469). Нет данных, что была какая-то систематичность в ритуалах позора для девушек в Казанской губернии – там в конце XIX века вообще бытовало присловье: «Жену с почина берут» (Заметка... 1865: 10). В Пермском крае родители не видели ничего дурного в том, чтобы девушки были в поиске любого себе до свадьбы (Смирнов 2004: 248), а в Мезенском уезде (Север), где существовал свальный грех, невинность девушки вообще ценилась мало: родившая скорее находила себе мужа (РКЖБН 2005: 330; Ефименко 1869: 46; Селькова 1986: 123).

Описывая Сольвычегодский уезд Вологодской губернии, информатор заключил: «Редкая девушка не дает *потыркать* своему миляшу до свадьбы... Мужики говорят, что без этого нельзя жить, а бабы – “ой да щё, ведь нам пуцае вашего хочеса!”» (РКЖБН 2007б: 663). Посрамляющих обрядов на Русском Севере не водилось, но девственность ценилась (РКЖБН 2007в: 210). В удаленных от центра сибирских деревнях было то же: в условиях переизбытка мужчин возможность интимных отношений с женщиной ценилась не только на словах, но и на деле (среди золотоискателей и рудознатцев). Родители девушек, получавшие за несохраненную девственность своих дочерей иной раз большие компенсации, имели свою выгоду: ребенок дочери-девушки нисколько ее не бесчестил, его охотно воспитывали, отвечая укоряющим: «Плевок моря не портит».

Иное дело – центральные, южные, юго-западные, отчасти западные районы России. До 1861 года помещики в посрамление провинившейся там приказывали «резать косу» – острижение ее оставалось наиболее распространенным из женских позорящих наказаний (Соловьев 1878: 17; Смирнов 2004: 247).

Традиции, связанные с поддержанием идеи высокой ценности девственности до брака, сохранялись до середины XIX века в Ростовском, Пошехонском, Владимирском, Дорогобужском (Смоленская губерния) и многих иных уездах (Громыко 1991: 96). Но вот уже в 1841 году один из наблюдателей-калужан записал: «Целомудрие не имеет большой цены в глазах нашего народа... и во многих губерниях уже уничтожился старинный обычай вскрывать по-

стель молодых. Отец и мать говорят жениху: *“Какая есть – такую и бери, а чего не найдешь – того не ищи!”*» (РКЖБН 2005: 432; 2006в: 232). Обыденная мудрость в отношении целомудрия девушки в Вологодской губернии хоть и ориентировала на то, чтобы соблюдать нравственную чистоту, но, коли это не удавалось, не требовала публичных оскорблений («разве что муж буде поколотит») и издевательств (РКЖБН 2007а: 363, 366).

К концу XIX века утрата девственности переставала быть фактом, который следовало обнародовать. «Вообще об отношениях молодежи можно сказать, что баловаться стало просто, – заключил современник-аноним (Там же: 575). – У кого[-то] приданое шито-крыто, а у кого[-то] на люди открыто!» Народная молва с присущей просторечию прямоотой припечатала смену прежних взглядов на обязательность девственного состояния перед свадьбой точным присловьем: *«П...а хоть и дырява, зато морда не корява!»* (РО РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 778. Лл. 2, 4). А уж если добрачную беременность удавалось «прикрыть венцом» – вопрос о том, что случилось до него, вообще старались не поднимать. На Вологодчине тесть невесты давал за беременной дочкой еще и корову к приданому – «для прокормления младенца» (Там же: Л. 13; РКЖБН 2007а: 479).

Напрасность позорящих наказаний точно сформулировал и информатор-костромич: *«Хоть срами, хоть нет, а другую жену уж не дадут»*. Он заметил, что к рубежу XIX–XX веков, «если супруг не найдет в молодой жене того, что соответствовало его ожиданиям, то самое большее – будет ее поначалу тузить, а со временем дело обойдется» (РКЖБН 2004: 64, 214). Растущую допустимость добрачных отношений молодых в этой части России трудно не заметить. Если в начале XIX века родня позорила девушку словами о том, что та «замарала хвост» до свадьбы, то в конце на все укоры молодая, как сказывали, могла ответить: *«Свой чемодан – кому хочю, тому и дам!»*, *«Поспала – ничего не украла!»*, *«От этого не полияешь!»*, *«Не позолота, не слиняешь – оттого, что похватали!»* (РКЖБН 2005: 555–556).

В Ярославской губернии были записаны «отговорки» женихов, женившихся на нецеломудренных невестах, которые также свидетельствуют о том, что отношение к соблюдению правил переменилось: *«У нее не лужа – достанется и мужу!»*, *«Это добро не мыло – не смылится!»* и др. Между тем раньше «старожилы говорили, что девушка, родившая ребенка, могла выйти замуж только за отца этого ребенка...» (РКЖБН 2006а: 218). Но все чаще после рождения

внебрачного ребенка строгость отступала: девице прощали ее ошибку, человечность брала верх над моральным принципом. Мать или бабушка той, что согрешила, на любые нападки привычно отвечивали: «Чей бы бычок ни скакал, а телятко наше». Или: «Грех да беда, с кем не быва!», «Грех сладок, а человек падок!» Но в идеале, конечно, девушке нужно было постараться «устоять» до венца – об этом говорят и частные акты 1890-х годов (РКЖБН 2006а: 465; 2006б: 198; Бальжанова 2007: 69).

К рубежу веков народная традиция выработала ритуал снятия напрасного обвинения девушки в бесчестном поведении на деревенской сходке (если девушка оказывалась невиновной, участники сходки кланялись ей в ноги: «Прости нас ради бога, ты не виновата» [Даль б. г.: 99]), а также щадящие способы обнародования «почестности». Так, на Вологодчине в 1898 году во время свадьбы уже ограничивались вопросами и ответами в форме эвфемизмов: «Грязь ли топтал, лед ли ломал?», – на что жених почти всегда отвечал: «Лед ломал», «если не хотел делать огласки» (РКЖБН 2006б: 562). В Верхнем Поволжье, на Дальнем Востоке и в Сибири вместо окровавленной рубашки просто выносили гостям бутылку или даже веник, обвязанные красной лентой, пирог с гроздью красных ягод, стлали под ноги красное полотенце (Аргудяева 1997; Зорин 2001). Если же обнаруживалось «нечестие», криков и шума не устраивали, но к бутылкам привязывали черные ленточки, у дома вывешивали черные флаги (РКЖБН 2006б: 359).

* * *

В условиях войн и революций начала и особенно середины XX века отношение к позорящим девушку наказаниям за бесчестие как к обязательному акту возмездия стало размываться. При советской власти, однако же, тема «Стыд – та же смерть» оказалась неожиданно трансформированной в годы затруднения разводов и сталинской пронаталистской политики, направленной на «укрепление семьи» (Казьмина, Пушкарева 2004: 200). Это, несомненно, отдельная тема (Пушкарев, Пушкарева 2007: 199–227), но очевидно: устыдительные наказания в измененном виде появились в годы, когда частная жизнь индивидов все более переставала быть таковой, а именно – в годы, когда внебрачные отношения и частные интимные связи становились предметом «разборов» на комсомольских и партийных собраниях.

Даже в годы хрущевской оттепели установка на «традицию» гласного обсуждения семейных кризисов, связанных с адюльтером, обсуждения (и осуждения) их в рабочих и производственных коллективах, на партийных, профсоюзных собраниях сохранялась (Жидкова 2010). Коллективные решения «по справедливости» как раньше, так и в недавнее время комсомольских собраний часто превращались в самосуд. Дисциплинирующие своих членов собрания восходили, по мысли современных социопсихологов, к покаянным практикам восточного христианства (Хархордин 2002) и накладывались (добавим мы) на традиции русских сельских сходов в Южной России, выносивших вердикты о виновности девушек и мерах наказания. За неполный век такая социальная память изжить запросто не могла (Блюм 2005: 128–129).

В мире российских юношей и девушек XXI века вопросы *девичьей чести* как категории корпоративной (девичьей) морали, судя по сообщениям, редко обсуждаются девочками (зато очень часто дискутируются – при всяком возвратном повороте, обращении к «традиционным ценностям» – всем обществом через СМИ). Это неудивительно: отношение к добрачному сексуальному опыту девушек сильно модернизировалось, однако наличие по крайней мере 11 % мужчин в числе опрошенных, которые бы хотели видеть свою невесту девственницей, и 56 % тех, кому это «безразлично», довольно разительно противостоит абсолютному большинству женщин (72 %), мечтающих о том, чтобы их сексуальный партнер, избранный в мужа, был бы не только не девственником, но именно опытным в интимных отношениях (Бутовская 2004: 319). Старые нормы о должном и разрешенном довлеют – при всем снижении значимости фактора девственности в условиях быстрого развития форм контрацепции и экономической независимости женщин. Тема неразрешительности «женской свободы» так или иначе присутствует в современных обсуждениях, в том числе и на страницах СМИ. Это ли не наследие многовековой традиции?

Литература

Аргудяева, Ю. В. 1997. *Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.)*. М.: ИЭА РАН.

Бальжанова, Е. С. 2007. Мир женских грехов. *Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XIX в.*: сб. науч. ст. Екатеринбург: Банк культурной информации, с. 50–69.

Бернштам, Т. А. 1988. *Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры*. Л.: Наука.

Блюм, А. 2005. *Родиться, жить и умереть в СССР*. М.: Новое изд-во.

Бутовская, М. Л. 2004. *Язык тела. Природа и культура*. М.: Научный мир.

Громько, М. М. 1991. *Мир русской деревни*. М.: Молодая гвардия.

Даль, В. И.

[Б. г.] *Пословицы и поговорки*. URL: <http://vidahl.agava.ru/zavet.htm>; <http://pribautka.ru/proverbdaahl/175.html>

1866. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб.: Тип. Лазаревского института восточных языков.

Ефименко, П. С. 1869. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. *Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 г.* Вып. 3. Архангельск: Губернская типография.

Жидкова, Е. М. 2010. «Попросил прощения у жены и извинился перед коллективом». *Социальная история*: сб. М.: Алетейя, с. 347–375.

Журавченко, М. М. 1872. Наблюдения, сделанные в селе Оптове Черниговской губернии. *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО*. Т. 6. Юго-Западный отдел. СПб.: Б. и., с. 410–472.

Заметка о грамотности и нравственности крестьян Лаишевского уезда. 1865. *Казанские губернские ведомости* 47: 10–11.

Зорин, Н. В. 2001. *Русский свадебный ритуал*. М.: Наука.

Кабакова, Г. И. 2001. *Антропология женского тела в славянской традиции*. М.: Ладомир.

Казьмина, О., Пушкарёва, Н. 2004. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты. *Семейные узы: Модели для сборки*. Кн. 1 / сост. С. А. Ушакин. М.: НЛЮ, с. 185–218.

Киркор, А. 1854. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. *Этнографический сборник*. Вып. III. СПб.: Русское географическое общество, с. 278–372.

Кистяковский, А. Ф.

1872. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение. *Труды этнографическо-статистической экспедиции*

в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. Т. 6. Юго-Западный отдел. СПб.: Б. и., с. 3–28.

2004. К вопросу о цензуре нравов у народа. В: Пушкарева 2004. Кн. 2: 38–75.

Липинская, В. А., Сафьянова, А. В. 1978. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа. *Русский народный свадебный обряд*. М.: Наука, с. 180–201.

Миненко, Н. А. 2007. Женщина-казачка в Урало-Сибирском социуме XVIII – начала XX в. *Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XX в.* Екатеринбург: Банк культурной информации, с. 120–129.

Никишенков, А. А. (отв. ред.) 2003. *Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX – начале XX в.* М.: Современные тетради.

Нос, С. Д. 2004. Покрытка. В: Пушкарева 2004. Кн. 2: 75–78.

Пушкарев, А., Пушкарева, Н. 2007. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос». В: Ярская-Смирнова, Е., Романов, П. (ред.), *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность*. М.: Вариант; ЦСПГИ, с. 199–227.

Пушкарева, Н. Л. 1997. *Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в.* Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир.

Пушкарева, Н. Л. (сост., отв. ред.) 2004. *«А се грехи злые, смертные...» Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века:* в 3 кн. Вып. 2. М.: Ладомир.

РКЖБН (Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева)

2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия.

2005. Т. 3. Калужская губ. СПб.: Деловая полиграфия.

2006а. Т. 2. Ярославская губ. Ч. 1. Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия.

2006б. Т. 2. Ярославская губ. Ч. 2. Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды. СПб.: Деловая полиграфия.

2006в. Т. 4. Нижегородская губ. СПб.: Деловая полиграфия.

2007а. Т. 5. Вологодская губ. Ч. 1. СПб.: Деловая полиграфия.

2007б. Т. 5. Вологодская губ. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия.

2007в. Т. 5. Вологодская губ. Ч. 4. Тотемский уезд. СПб.: Деловая полиграфия.

Рыблова, М. А. 2007. Огонь, вода и сковорода: к вопросу о позорящих наказаниях по обычному праву у донских казаков. *Дикаревские чтения-13. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа*. Краснодар: Крайбикколлектор, с. 397–414.

Самосуд. 1875. *Санкт-Петербургские ведомости* 201: 3.

Селькова, М. Л. 1986. К изучению семейных юридических обычаев на территории Архангельской губернии XIX в. *История и культура Архангельского Севера*. Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, с. 125–134.

Смирнов, А. Г.

1878. *Обычаи и обряды русской народной свадьбы*. В: Пушкарева 2004. Кн. 2.

2004. *Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа*. В: Пушкарева 2004. Кн. 1: 356–558.

Снегирев, И. М. 1833. *Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках*: в 4 кн. Кн. III. М.: Б. и.

Соловьев (б/иниц.) 1878. Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии. *Записки Императорского Русского Географического общества*. Т. VIII. Отд. III. СПб., с. 15–20.

Сухоруков, В. Д. 1824. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. *Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изданная А. Корниловичем*. СПб., с. 300–321.

Тенишев, В. В. 1907. *Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева*. Брянск: Тип. А. С. Суворина.

Терещенко, А. В. 1848. *Быт русского народа*. Ч. II. *Свадьбы*. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел.

ТЭСЭ (Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО). Т. 5. СПб.: Русское географическое общество, 1855.

Федянович, Т. П. 1997. *Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (кон. XIX в. – 1980-е гг.)*. М.: Наука.

Филиппов, М. А. 1859. Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство. *Современник* 4. Отд. 1, с. 217–225.

Хархордин, О. 2002. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний сад.

Чижикова, Л. Н. 1978. Свадебные обряды русского населения Украины. В: Чистов, К. В., Бернштам, Т. А. (ред.), *Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы*. М.: Наука, с. 159–179.

Щепанская, Т. Б. 2001. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций). В: Бочаров, В. В., Тишков, В. А. (отв. ред.), *Антропология насилия*. СПб.: Наука, с. 115–177.

Архивы:

РО РЭМ – Рукописный отдел Российского этнографического музея.